

ВСЕ ОКНА — в сад. И нет ему начала. Кто знает, сколько лет тому назад лихая вьюга яблоньку качала — тот день в истории был проклят или свят?..

Синицы первые решили: будет осень. Предвиденье — великая черта. Холодный дождь. Траву давно не косят. Но отчего в усадьбе суета?

Там праздник: день рождения хозяина.

Так почему на чайный стол не подают свечей, а на другой не ставят лампу с абажуром? И маман не играет мазурку Шопена? Вот

Жизнь его была так сложна еще и потому, что события, происходившие в мире, не проносились мимо со свистом телеграфных проводов — мимо его дома, мимо его сердца. Толстой переживал за весь мир. И всегда, непреклонно, учил этот мир добру. Как же его боялись и ненавидели злые, дурные люди. Они отлучили графа от церкви и решили, что теперь он будет одинок и несчастен — без бога. Он, который всей своей жизнью доказывал, что бог в человеке. И доказал. В 1901 году рабочие Дятковского маль-

остался в усадьбе портрет неизвестного художника. И внук нам оставил словесный портрет своего деда, которого любил и воспроизвел в «Воине и мире» под именем старого князя Николая Андреевича Болконского.

«Князь был свеж для своих лет, голова его была напудрена... Он держался прямо, высоко нес голову, и черные глаза из-под густых, широких черных бровей смотрели гордо и спокойно над загнутым сухим носом, тонкие губы были сложены твердо».

— Проходите, прошу вас, — сказал зав. отделом научной пропаганды музея-усадьбы Сергей Михайлович Борисов и пропустил нас в кабинет.

Он рассказывал о том, как 183 сотрудника музея пять лет готовились к юбилею, о большой трудной реставрации: 20 мемориальных объектов из двадцати девяти полностью отремонтированы. Кстати, дом Толстого открылся только в марте этого года. Рассказывал о крестьянах окрестных деревень, которые ухаживают за Ясной Полянкой (территория заповедника 378 га). Сено косят, собирают яблоки в саду (в урожайный год до 200 тонн).

— А в этом году цвет был хороший, вот только дожди и холода вызреть не дают, — сказал Борисов с сожалением. — Но урожай все равно есть. Вчера пять тонн реализовали...

Я подумал, что такой хозяйственный, далекий от искусства разговор ничуть не оскорбляет памяти великого писателя. Он любил этот труд на земле и писал:

«Живу я нынешний год в деревне как-то невольно поновому: встаю и ложусь рано, не пишу, но много работаю, то сапоги, то покос... И я вижу и знаю весь труд сельский, который идет вокруг нас».

— Между прочим в Ясной Поляне живут целые династии бывших крестьян графа Толстого: Зябревы, Козловы, Резумовы. Козлов, например, внук первого ученика Льва Николаевича, работает зав. складом, — сказал зав. отделом научной пропаганды и подарил нам на прощание «Памятный билет» — разноцветный проспект.

И мы в нем прочитали: «В юбилейные дни в залах здания, где более ста лет назад писателем была открыта яснополянская школа, где останавливались многочисленные гости, открыта новая литературная композиция «Л. Н. Толстой и Ясная Поляна». Над проектом новой экспозиции, ее генеральным решением и оформлением работал художник Московского комбината декоративно-оформительского искусства Ю. И. Антонов с группой художников-оформителей».

...300 тысяч человек приезжают сюда ежегодно, чтобы пройти по аллеям, увидеть, услышать, узнать, чем была для Толстого эта земля в середине России.

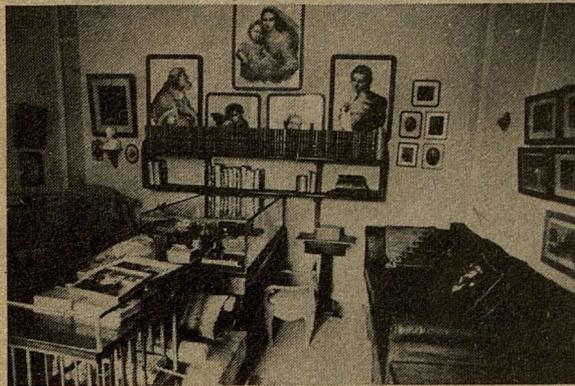
«Без Ясной Поляны я трудно могу себе представить Россию и мое отношение к ней. Без Ясной Поляны я, может быть, яснее увижу общие законы, необходимые для моего отечества, но я не буду до пристрастия любить его».

...Все окна в сад. И нет ему начала.

А. ШУМСКИЙ.
Фото **М. Сердюкова.**

РЕПОРТАЖ

ПРОЙДЕМТЕ

В ДОМ ВОЛКОНСКОГО

же рояль. На том же месте, в зале, как при нем.

Потому что в музее играть не положено. И более того: «На территории заповедника запрещается ходить по траве вне дорог и аллей».

Толстой говорил: «Шопен в музыке то же, что Пушкин в поэзии».

А что для нас Толстой в литературе? Да не в литературе только — это понятие узко ему — в истории России? Свет его доброго гения пробивается через немислимые преграды зла. Как много горя видел он при жизни и все же не разуверился в добре.

И вот идем по этим залам и не испытываем трепета от прикосновения к святым предметам и вещам. Почему? Потому что ни время, ни музейные таблички «Руками не трогать» никогда не сделают из него памятник, приблизиться к которому боязно, как к богу. Он живой. Родной всем нам и близкий человек — граф Толстой. Весь образ его — чисто русский, понятный до ясности, до прозрачности, несмотря на метания, на скитания... А впрочем, почему «несмотря на»? Ведь это черта, типичная для русского характера: неустроенность, непорядок в душе оттого, что чужое страдание ощущаешь острее, чем свое.

«Кричу от боли, — записал он в дневнике 26 июля 1896 года. — Запутался, завяз сам не могу, но ненавижу себя и свою жизнь».

А ведь до ухода из Ясной Поляны было еще очень далеко: пятнадцать неполных лет.

цевского хрустального завода прислали ему подарок — глыбу зеленого стекла. На глыбе была монограмма и золотом надпись: «Вы разделили участь многих великих людей, идущих впереди своего века, глубоко чтимый Лев Николаевич! И раньше их жгли на кострах, гноили в тюрьмах и ссылке. Пусть отлучают Вас как хотят и от чего хотя бы фарисеи «первосвященники». Русские люди всегда будут гордиться, считая Вас своим великим, дорогим, любимым».

Физическая смерть не отнимет у народа таких людей, ибо за свою жизнь они создают столько, что дел их великих хватает на многие века и жизни человеческие. И мы спустились в «комнату под сводами». Был полумрак. Свечи не зажигали.

— Смотрите. Здесь он писал начало «Войны и мира», — сказал экскурсовод.

Сохранилась картина Репина, на которой граф сидит за письменным столом на широкой скамье! Пишет. В углу коса. Плащи и шляпа на крючке.

— Поражает скромность обстановки, не правда ли? — спросил экскурсовод. — Во времена Волконского (деда Толстого) здесь была кладовая, от которой и теперь сохранились железные кольца в потолке для подвешивания вещей и продуктов... Пройдемте в дом Волконского.

Белый дом под зеленой крышей. Колодец справа от крыльца, кусты сирени.

Князь не вышел навстречу, а то бы мы его легко узнали:

Моск. комсомолец 1978, сентябрь.